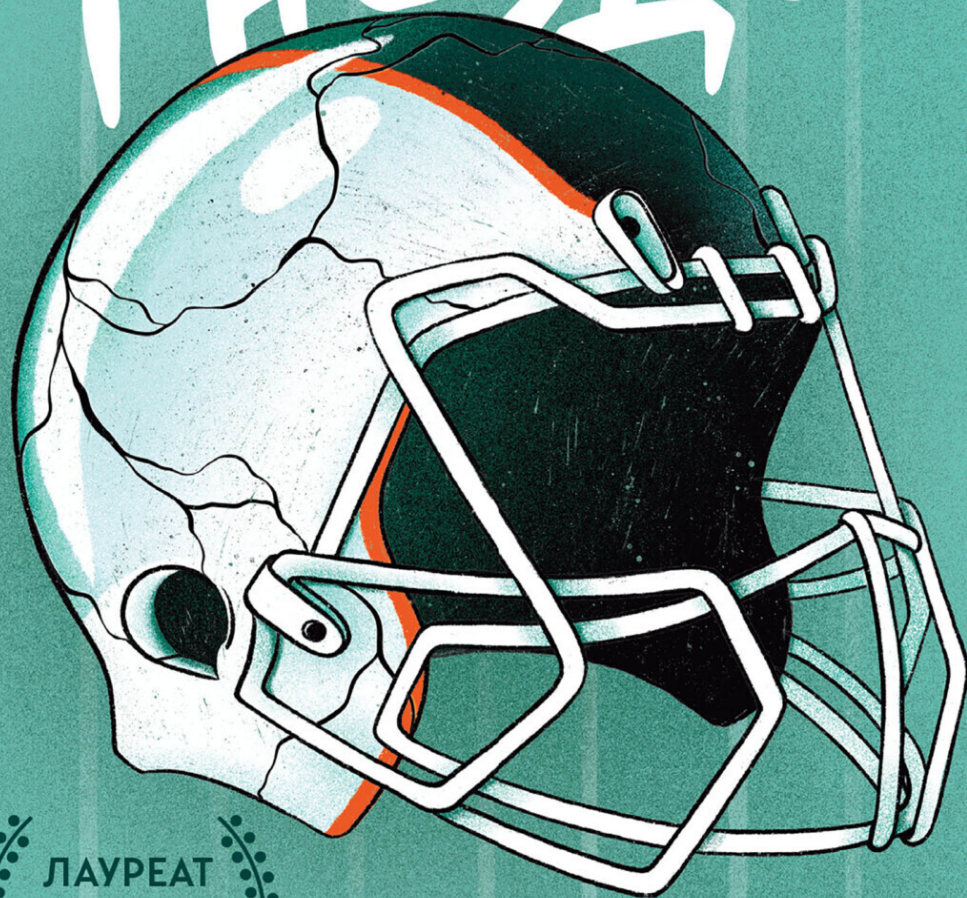

АЛЕКСИ ЗЕНТНЕР

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
О.ГЕНРИ

перевод
СЕРГЕЯ
КАРПОВА

роман

МИОО

МИФ Проза

Алекси Зентнер
Змеиное гнездо

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 82-311.4
ББК 84(7Сое)6-443

Зентнер А.

Змеиное гнездо / А. Зентнер — «Манн, Иванов и Фербер»,
2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195427-9

Как быть, если люди, которых мы любим, придерживаются глубоко чуждых нам убеждений? Все, чего хочет Джессап, – окончить старшую школу и получить спортивную стипендию для поступления в колледж. Он любит маму, брата и сестру и подрабатывает в местном кинотеатре, чтобы сводить концы с концами. С появлением отчима у него возникло ощущение дома, и он обрел любимое хобби – футбол. Но также отчим стал причиной того, что на семью подозрительно косятся со всех сторон. Джессап постепенно привык игнорировать нападки и провокации, но незадолго до выпускного происходит автомобильная авария – ошибка, которая, если вскроется, изменит его жизнь навсегда. Для кого эта книга Для тех, кто любит истории взросления и ищет сильных героев, которым хочется сопереживать. Для тех, кого волнует несправедливость в обществе. Для поклонников сильных историй с социальной проблематикой, задающих неудобные вопросы без однозначного ответа. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.4

ББК 84(7Сое)6-443

ISBN 978-5-00-195427-9

© Зентнер А., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

Ноль	6
Десять	7
Девять	9
Восемь	11
Семь	13
Шесть	15
Когда это случилось	17
Резкий поворот	19
Кортака и окрестности	20
Драка	22
Последствия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекси Зентнер

Змеиное гнездо

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copperhead © Alexi Zentner, 2019

First published by Viking

Translation rights arranged by AJA Anna Jarota Agency and The Clegg Agency, Inc., USA.

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

Моей матери.

По всем очевидным причинам и некоторым менее очевидным

Ноль

Он резко крутит руль, в ярости. Жаль, невозможно рвануть от дома еще быстрее. Пикап бросается вперед. Ужаленная лошадь. Колеса сплевывают снег и лед, как рот учителя – ругательство, как дробь, которая рассеивается в воздухе и кровит грудку утки, поднятой с воды. Заднюю часть пикапа, легкую и прыгучую, широко заносит.

И тогда он ощущает звук удара в не меньшей степени, чем слышит: как банка газировки, смятая наступившей ногой. Хотя это два разных звука – тяжелый стук ботинка и легчайший хруст металла, который складывается в себя.

Вот только этот звук – не от банки под ногой. Он тут же понимает, что это. Давит на тормоз, пикап останавливается так же резко, как завелся. Он сидит. В тишине радио играет громко, так что он вырубает его, но тогда скрипят дворники, выключает и их и потом заглушает мотор.

Слишком тихо. Если бы все было хорошо, донеслось бы слово. Голос. Звук. Что-то. Что угодно. Но единственное, что он слышит, – эхо, память, обертона стука и хруста металла: неизбежная хрупкость тела. Хотелось бы, чтобы это была просто пустая банка. Но он знает, что это человек.

Он выходит из пикапа. Двигается так медленно, как только может себя заставить.

Однажды он сбил оленя, больше года назад, вскоре после того, как впервые вывел пикап на дорогу, но тогда было по-другому. Животное выскочило перед ним. С ошалелым взглядом и в отчаянии. Он едва успел нажать на тормоз, как решетка уже рвала оленью брюхо. Когда он остановился и вернулся пешком к обочине, где лежал упавший олень, тот еще был жив. Почти чудо.

Но не то чудо. Кишки вывалились на асфальт, все заливал медленный натриевый свет уличных фонарей. Дыхание лани – отчаянный кровавый свист. Задняя правая нога слабо скребла по земле, будто животное еще пыталось встать. Минуту-две он смотрел, потом вернулся к пикапу. Будь с собой охотничий нож, он бы проявил милосердие, но так ничего поделать не мог, только вернуться домой и смыть кровь. Кусок шкуры лани, застрявший в мятой решетке, пришлось выковыривать пассатижами.

Теперь он идет длинной дорогой в обход капота, касаясь его и глядя на память об олене, опечатанную на переднем бампере: металл до сих пор несет на себе след уродливого поцелуя.

Обойдя пикап, он смотрит. Тело – в десяти-двадцати футах от кузова. Он знает, что это человек, но в тених и искусственном свете это может быть что угодно. Он хочет, чтобы это было что угодно. Банка. Лань. Но это есть и уже всегда неизменно будет мертвый человек.

Десять

Хеллоуин пришел и ушел. Месяц ноябрь, и вот чудо: Джессап все еще играет в футбол. Впервые за сорок лет Старшая школа Кортаки прошла в плей-офф. Джессап в выпускном классе. Семнадцатилетний, крупный. Даже в детстве он был спортивным, а теперь в самом расцвете сил. Все четыре года играл за школу. Четыре года соплей и крови. Первый, второй, третий годы их вышибали до плей-офф, но в этом году они уступили только в двух матчах. И сегодня играют против Старшей школы Килтон-Вэлли. Пан или пропал.

Бутсы цокают и брызгают, пока он бежит трусцой по мокрому цементу к стадиону. Дождь начался посреди ночи, весь день почти что подмораживало; этим утром он, еще не выйдя из дома, почувствовал, что выпадет снег. Воздух влажный. Весь день в школе, на математике и английском, от знакомого зуда дня игры дрыгалась коленка, и Джессап посматривал в окно, ждал, когда небо решит, что пора сменить дождь на снег. Теперь, когда солнце зашло, небо выбрало все сразу. Но он чувствует, что температура продолжает опускаться. Уже скоро эта морось превратится в тяжелый от воды снег.

Он, среди группы парней, направляется к стадиону. Когда они срезают путь через асфальтовую стоянку, он сходит с тротуара. Там лужа слякоти, которую остальные перепрыгивают или оббегают, но не Джессап. Он идет по прямой. Ни перед чем не остановится. Влезает прямо в лужу. Ледяная вода плещет на лодыжку, носок промокает. Ему все равно. Скоро он так и так промокнет.

Всего пару дней назад было тепло. В Кортаке матери следят, чтобы дети выбирали хеллоуинские костюмы, которые можно носить с зимними куртками, шапками и перчатками. Все чаще призраки и гоблины видят парок своего дыхания в воздухе. Но в этом году свечи в тыквах мечут тени в такую жаркую осеннюю ночь, что кажется, тепло продлится вечно. Сестре Джессапа, Джюэл, одиннадцать. Двенадцать будет в феврале. Шестой класс. Слишком взрослая, чтобы собирать конфеты, и достаточно взрослая, чтобы без присмотра ходить с друзьями, но Джессап все равно отправился с ней. Довез до города на своем пикапе. Гулял с ними, но оставался на тротуаре, когда они мчались к домам. В одной футболке нормально, несмотря на конец октября. Просто присмотрю за тобой, сказал он. Не буду просить конфеты, не буду звонить в двери, Джюэл, так что обойдусь без костюма. Джюэл закатила глаза: они с друзьями одеты как зомби. Зомби никогда не выйдут из моды, думал Джессап. Он помогал ей с гримом. Мамина тушь, кетчуп вместо крови. К концу ночи она употела от беготни из-за прилива энергии от сахара, раскапризничалась, грим смазлся. Она разрешила Джессапу забрать все арахисовые корзиночки.

Тепло продержалось всю неделю. Будто зима – не более чем слух. На тренировках к запаху пота примешивался запах опавших листьев и скошенной травы. Так жарко, словно это был отголосок лета. Тренировка в полной экипировке, но не в полную силу. Много перерывов на воду. Тренер, памятуя о жаре, хотел, чтобы они оставались свежими для плей-офф. Вчера на тренировке – первый намек на холода. А за ночь изменилось все. Лето ушло и просто перескочило зябкость осени. Сразу морозное уныние дождя со снегом. Температура падает.

Завтра, знает Джессап, будет зима. Завтра будет снег. Завтра, когда он пойдет охотиться на оленей, лес станет другим миром. Будут лед, снег и белое волшебство, хруст ботинок, тишь запорошенного леса, пока он ждет подходящего момента и оленя с такими рогами, которые стоит забрать. Он набьет морозилку хорошим мясом, которое иначе они не могли бы купить. Его девушка, Диан, звала погулять, но он отказался. Вся суть не в самой охоте, а в ожидании. Тишине. Когда он среди деревьев, один. И никто при виде Джессапа не вспоминает, что его брат и отчим в тюрьме. Прошло четыре года с тех пор, как Рикки забил тех двух парней

на смерть. Черных парней. Отчим никого не трогал, но находился рядом, и у него уже была своя история. В городке размером с Кортаку история – это все.

Рикки, если повезет, осталось еще минимум шестнадцать лет. Отчим, Дэвид Джон Майклс, должен был отсидеть пять, но вышел раньше. Сегодня. Этим утром мама Джессапа ездила на север, чтобы забрать Дэвида Джона. С собой мама взяла Джюэл, ведь она его дочь. Джессап говорил, что Джюэл не стоит пропускать школу, но разве это аргумент. Она пока только в шестом классе, а кроме того, чертовски умная. Даже умнее Джессапа. Без труда окончит с отличием. Один день пропуска ничего не решит. Вопрос о том, чтобы ехал и Джессап, не стоял. Даже если бы в этот день не было футбола. Сейчас они уже должны вернуться. Сидеть на трибунах. Отчим вместе с матерью и Джюэл. Они думают, после матча Джессап пойдет с ними на ужин. Он и пойдет, потом двинет на вечеринку, а вот потом будет то, чего он действительно ждет: встреча с девушкой.

Но завтра... завтра Джессап может побыть один.

Девять

Это завтра. Сегодня – футбол. Дождь набирает силу. Такая холодная промозглость, из-за которой кое-кто жалеет, что не выбрал другой вид спорта. Старшая школа Кортаки – плавильный котел. Бедные белые, вроде Джессапа, живут за пределами Кортаки – на проселках, холмах и в ущельях, прямо под боком окружных трасс или поглубже, на грунтовках, в трейлерах или просевших домах с незастекленными окнами, с бесплатными при условии самостоятельного ремонта пристройками, которые сейчас покрыты одним «Тайвеком»¹, сайдингом их обошьют только через месяцы или годы. Если повезет – дровяные печи, когда благодаря постоянному скулежу бензопилы или стуку колуна в доме так тепло, что употеешь. Если не повезет – пропан, в доме семь градусов всю зиму, под тонким одеялом мерзнут яйца, спишь в одежде, потому что никто, даже «Треман Газ», не наполнит пропановые баки в кредит. Бедные черные в основном проживают на территории Кортаки, в жилкомплексах в Ист-Хилле, Ист-Виллидже – Джессап зовет их Джунглями, но так их зовут все черные и бедные белые, и только богатые белые называют как полагается, слишком боясь сказать как есть. А остальные бедные черные живут у центра, в старых особняках, когда-то гордых, но теперь разделенных на несколько квартир: две, четыре, восемь. В деревне, как Джессап, живет только горстка черных, но и в городе хватает бедных белых, так что цветные линии пересекаются часто. Если же школьник не бедный, то он связан с Университетом Кортаки или его орбитой. Детки профессоров. Дипломированных специалистов. Или просто при деньгах. Мамочки, которые свободны и могут поучаствовать в вечеринках по случаю дня рождения или в костюмированном празднике в начальной школе; папочки, которые берут выходной, чтобы весной сопроводить школьную экскурсию в Херши-Парк; родители, которые требуют в старшей школе отличный аттестат и изучение предметов по углубленному курсу², умеют находить и оплачивать репетиторов, когда их чада не справляются с математикой, испанским или химией. Джессап ходит на занятия, где полно богатеев, и справляется неплохо, входит в десять процентов лучших учеников своего класса по отметкам. Прощальную речь на выпускном произнести не попросят³, но он близок к этому, совсем неплохо для парня без репетиторов, зато с тремя видами спорта, подработкой и помощью в учебе младшей сестре; десять процентов класса – не шутки, это билет отсюда. Радуйся, а ухо держи востро: учителя никогда в него не верили. Не с его камуфляжным охотничьим жилетом, не со всем тем, что люди знают о его брате и отчине. Маленький город, маленький город, маленький город. Здесь не бывает чистого листа.

Команде Килтон-Вэлли сюда час пути. Богатенькие ребята из спального пригорода. В команде будут и такие, как Джессап (такие, как он, есть везде), но в основном детки из Килтон-Вэлли живут в домах с эпоксидными полами в гараже, в четырехспальных коттеджах с газовыми каминами просто для декора, с термостатами на двадцати двух градусах зимой, на двадцати – летом, с кедровыми оградками, чтобы не убежал золотистый ретривер. Джессап слышал, что в плохую погоду команда Килтон-Вэлли тренируется в крытом зале. Среди них будут те, кому не терпится вернуться домой еще до начала матча, у кого мысли заняты только тем, как бы отогреться и обсохнуть, а не возведенным в ритуал насилием игры, которое так любит Джессап.

¹ Тайвек (*англ.* Tyvek) – торговое название нетканого материала, который разработала компания DuPont («Дюпон») и под которым поставляется семейство прочных долговечных полотен, изготовленных на 100 % из полиэтилена высокой плотности.

² В США и Канаде разработана система углубленного изучения некоторых предметов (*англ.* AP – Advanced Placement) в школе, на уровне первого курса университета, что дает существенные преимущества при поступлении в вуз. *Прим. ред.*

³ Прощальную речь на выпускном традиционно произносит лучший ученик. *Прим. ред.*

Пока он бежит через стоянку, свет на стадионе кажется слишком ярким для такой погоды. Он видит, как полосами падают толстые свирепые плюхи льда. Ветер тоже поддал. Резкий, режущий. Контакт кожи с кожей, шлема с кожей, кожи с полем обожжет. Обожжет сейчас, но, что хуже, обожжет и потом, под горячим душем. Большинство остальных игроков, бегущих рядом на поле, надели лонгсливы под форму. Но не Джессап. На нем только джерси. Голые руки. Он хочет, чтобы парни из Килтон-Вэлли по ту сторону линии задумались о холоде. Хочет, чтобы они задумались, почему Джессап не прячется от погоды, почему она его не колышет. А она не колышет. Не на игре. Он смирился, уже давно, что играть в футбол – это познать боль. Как ее причинять, как принимать. Вот одна из причин, почему он так хорош. Потому что секрет лайнбекера⁴ в готовности не просто одинаково раздавать и огребать, а наслаждаться этим.

⁴ Лайнбекер (*англ.* linebacker) – полузащитник, играет за линией защиты. *Прим. ред.*

Восемь

На спортивных полях вокруг стадиона по-прежнему настоящая трава и земля, но они сейчас играют на синтетической траве. Рос он с футболом на общественных полях в лиге Попа Уорнера. К октябрю траву стаптывали в грязь, после дождя стояла вода – не пробежишь, не споткнувшись на ухабах и колдобинах. На стадионе же покрытие, напротив, безупречно. Футбольное поле – идеально плоское, пластмассовая трава – гладкий мат, швы невидимы. Окружная школьная администрация регулярно вычесывает пластмассовые волокна и подметает поле начисто. Наполнение из резиновых гранул и песка гарантирует, что даже в дождь вода высыхает быстро. Но снег уже начинает липнуть. Валит так, что «Пумы» Килтон-Вэлли не рискнут бросать мяч. Тем лучше для «Медведей» Старшей школы Кортаки. Из-за травм приходится полагаться на второго запасного квотербека⁵. Весь год «Медведи» выезжали на обороне. На послематчевых пенальти им не выиграть, так что, на взгляд Джессапа, все, что поможет удержать мяч команды соперников на земле, принесет победу. Еще десять минут в таком духе – и толстый слой снега накроет линии. Будет скользко. Бег по прямой. Футбол лоб в лоб. Некрасивый футбол. Джессап в восторге.

Они вбегают трусцой на стадион под приглушенные аплодисменты. Трибуны и близко не те, что в Техасе. Не вместят и две тысячи. А сегодня из-за погоды, хоть это и плей-офф, первый за сорок лет, первый домашний – за больший промежуток лет, трибуны полупустые. Рекордами они не славятся. Играл отчим Джессапа – и у него был только один выигрышный сезон. Играл и брат Джессапа – и они проиграли три из четырех лет. И Рикки, и Дэвид Джон регулярно пишут, следят за успехами команды из тюрьмы как могут. Живут за чужой счет. На этой неделе Рикки писал, что хотел бы лично посмотреть, как Джессап одевается к плей-офф. Рад, что Джессап носит его старый номер. Братья. Но если он присутствовать не может, то хотя бы Дэвид Джон увидит игру Джессапа. И даже не верится, что Кортака в плей-офф.

Джессапу верится. И на первый, и на второй год в школе в его сезонах было по три победы. Но между вторым и третьим годами Старшая школа Кортаки наняла тренера Диггинса – и тут команда засияла. В прошлом году они пролетели мимо плей-офф только из-за пропущенного трехочкового в овертайме – такая острая боль, что Джессап даже плакал на скамейке запасных. Но в этом году сразу стало ясно, что они идут в плей-офф. Все еще не фавориты, но большинство считает, что у них есть шанс. Есть энергия. Впрочем, это не выливается в полный стадион. Скажем, тысяча двести человек, но Джессапу хватает. Он высматривает мать, Джюэл и Дэвида Джона, но не видит.

Они уже разогрелись и вернулись в раздевалку для последнего тренерского напутствия, напоминания о задачах, последнего шанса поссать или просрать от нервов. Некоторых перед каждой игрой тошнит. Но теперь до свистка всего несколько минут. Джессап пару раз пробегается вдоль поля, привыкает к скользкому покрытию. Видит, как с кем-то из рефери болтает тренер Диггинс.

Диггинс должен был выбрать Джессапа одним из четырех капитанов (ведь выбрал он его приятеля Майка Крина, игрока хорошего, хотя не такого хорошего, как Джессап), но нет. За неделю до первой игры сезона он позвал Джессапа в кабинет и сказал, что дело не только в том, как ты хорош на поле. Мало быть лучшим в команде. Лидерство. Джессап неразговорчивый, сказал Диггинс. Из одиночек получают плохие лидеры. О, во время матчей Джессап говорит; выбирает схемы и меняет защиту. Весь переходный сезон Джессап входил в группу игроков, кого Диггинс приглашал к себе домой по воскресеньям, чтобы смотреть спортивные

⁵ Квотербек (*англ.* quarterback) – игрок, который получает мяч от центрального, чтобы начать игру. Наиболее важное место в команде нападения. *Прим. ред.*

записи и лучше понимать игру. Это пошло ему на пользу. На третий год он был хорош, но в этом сезоне – просто глыба. Не сразу, но колледжи им уже заинтересовались. Отчасти потому, что он большой и быстрый, но теперь у него есть кое-что еще: благодаря времени, проведенному в кабинете Диггинса, игра для него замедлилась. Неважно, на сильном фланге он играет или на слабом, – защиту ставит он. Должен средний лайнбекер, вот только, хоть Дэмиен Грин и крепкий игрок, быстро атаку соперника он не считывает, так что за дорожного постового у них Джессап. Однако, несмотря на то что время от времени Диггинс назначал других игроков дополнительными капитанами на матч (особая честь), Джессапа не выбирал ни разу.

«Надеюсь, ты все понимаешь, сынок», – произнес Диггинс со своим медленным тягучим акцентом Миссисипи.

Семь

Джессап не спорит с тем, что говорит Диггинс. Это все правда. В компаниях он говорит мало, на занятиях – не больше чем надо. Ответы дает, но кратко. Слишком сторонится других. Он это знает. Он не ведомый, но и не лидер. Он просто Джессап. Но его бесит, что он не капитан. Плюс тренеры колледжей, которые к нему обращаются (в основном с начала этого года), уже спрашивали, почему он не на лидерской позиции. Как это – лучший игрок защиты, лучший в команде, не выходит на жеребьевку?

И что ему отвечать тренерам колледжей? Что Диггинс черный и ни за что не выберет Джессапа в капитаны? Что Диггинс ни разу слова не сказал про брата и отчима или их церковь, всегда вел себя так, будто это неважно, но это, конечно же, важно?

Диггинс – здоровяк, хоть и не такой, как ожидал Джессап от игрока НФЛ⁶. Хоть тренер сам признаёт, что все восемь лет висел на грани вылета, он все-таки был профи. «Единственная причина, почему я так долго продержался в лиге, – я умный, – любит говорить он. – Быстрее я стать не мог, но мог учиться игре и скорости ее понимания. Неважно, лучший ты или худший в команде, – и на этом он всегда ухмыляется, – кольцо получают все⁷». Национальный турнир на третьем курсе колледжа в Алабаме, когда Диггинс стал одним из лучших игроков в команде, и кольцо Суперкубка в прошлом году в профессионалах, где ему не пришлось принимать снэп⁸, пока его команда не обходила уже на четыре тачдауна⁹. Тренер он хороший, для уровня старшей школы – даже отличный, но не мечет гром и молнии. Редко повышает голос – только чтобы услышали. Больше работай, делай свое дело, понимай игру лучше парня по ту сторону линии.

Джессап смотрит, как Диггинс пожимает руки рефери, а потом подбегает к бровке, туда, где ограда отделяет трибуны от поля. Над оградой наклоняется для поцелуя его жена Мелисса. Диггинс родился и вырос в Миссисипи, играл за колледж в Алабаме, побывал в профессионалах. С Мелиссой познакомился, пока играл в Сан-Франциско. Тренеру под полтинник, миссис Диггинс на пару лет моложе, но выглядит на тридцать. Калифорнийка: белая, блондинистая и худая на спортивный манер, будто занимается в спортзале, хотя на самом деле работает кем-то в Университете Кортаки. Джессап не знает кем, знает только, что это из-за нее семейство Диггинсов переехало сюда, из-за нее тренер Диггинс согласился попробовать возродить футбольную команду Кортаки.

По крайней мере, так говорит Диан. Диан учится в предпоследнем классе средней школы, она дочь тренера Диггинса и миссис Диггинс. Тренер темный, миссис Диггинс – нет, и Диан – нечто среднее между ними. Она злится, когда он сравнивает цвет ее кожи с едой, говорит, он считает ее экзотичной, но это уже стало их шуткой. По крайней мере, ему это кажется шуткой. Встречаются они четыре месяца. Летом Джессап работал шесть дней в неделю на обслуживании поля для гольфа, шесть ночей – в кинотеатре. Бросил гольф, когда начался футбол, но в кино еще работает, по субботам и иногда по воскресеньям после просмотров игр у тренера дома. Нужны деньги. Диан работала в кинотеатре летом и продолжает в течение школьного года, тоже по субботам и иногда по воскресеньям, с совпадающим расписанием. Познакомились они раньше, но никогда не проводили время вместе по-настоящему. Он сам до сих пор не понимает до конца, как они начали встречаться. Так или иначе, они держали это в тайне.

⁶ НФЛ (*англ.* NFL) – Национальная футбольная лига. *Прим. ред.*

⁷ Одной из главных отличительных черт американского спорта являются чемпионские кольца (или перстни). Их изготавливают из желтого, белого или розового золота и украшают бриллиантами. Обычно на кольце указывается название команды, ее лого, номер Супербоула и добавляется фраза World Champions. Кольца, которые вручают футболистам, персонализируются. На них наносят их фамилии и игровые номера. *Прим. ред.*

⁸ Снэп (*англ.* snap) – передача мяча назад. *Прим. ред.*

⁹ Тачдаун (*англ.* touchdown) – занос мяча в зачетную зону соперника, один из способов набора очков. *Прим. ред.*

Диан рассказала подругам, и по школе поползли слухи. Джессап помалкивает, но он на виду. А Диан – черная. С историей его семьи это что-то да значит. Миссис Диггинс знает об их отношениях, но он практически уверен, что тренер не знает. Если и знает, то Джессапу не говорил.

Он смотрит, как Диан тоже наклоняется над оградой, целует папу в щеку. Смотрит на Джессапа и незаметно улыбается. Они встретятся потом, на вечеринке, и оба планируют ускользнуть и где-нибудь припарковаться. Впервые они переспали недели две назад, и ему кажется, что он ее вроде бы любит, но это еще одна мысль, которой не стоит забивать голову прямо сейчас.

Позади миссис Диггинс и Диан, через два ряда, он видит помощника тренера из Сиракузского университета. Он приходит уже на вторую игру, предложение стипендии не за горами. Так слышал Джессап. Он недостаточно хорош для университетов с серьезными футбольными командами, но хорош для предложений от мелкотравчатых вузов первого дивизиона¹⁰. Что важнее, игра на поле в сочетании с оценками привела к тому, что в двери начали стучаться из Лиги плюща. На сегодняшней игре присутствует помощник тренера из Брауна, еще к нему обращались Йель и Принстон. Если бы Джессап не играл в футбол, вряд ли бы попал в вузы Лиги плюща за собственные заслуги, но он играет так, что тренеры Лиги плюща исходят слюной. Оценки и SAT¹¹ такие высокие, что администрацию легко убедить его зачислить. Лига не предлагает спортивную стипендию, но он нищеврод, так что ему дадут фулл-райд¹². Мама хочет, чтобы он остался дома и играл за Университет Кортаки, хотя не возражает и против Сиракуз, если выгорит, это всего в часе езды, или университета в Буффало, откуда уже тоже делали предложение, но Джессап хочет проложить побольше миль между собой и Кортакой.

Он знает, тренер Университета Кортаки считает, будто с Джессапом вопрос решенный; уверен, Сиракузы тоже. Он же местный? С чего ему не хотеть остаться? Но вот так. Не хочет. Хочет убраться как можно дальше от Кортаки и сделать все, чтобы не возвращаться. Вслух он этого еще не говорил. Мама не знает, что он отправил документы на раннее рассмотрение в Йель. Ответ придет в начале декабря. Если не выгорит, будет подавать в Дартмут, Браун и Принстон, а как раз на прошлой неделе стипендию предлагали в Дьюке. Пока-пока, северный Нью-Йорк.

Он еще раз быстро оглядывает трибуны. Мама обычно сидит прямо по центру, высоко сзади, спиной к ограде, но там уже группа пацанов из старшей школы.

Он ее не видит, но они еще не начали. Она написала, что встреча у тюрьмы прошла успешно и что она будет на игре. Он не волнуется. Она всегда приходит. Днем мать работает уборщицей, а несколько вечеров в неделю – на кассе в «Таргете», но там она дала понять заведующему, что если ей придется выбирать между сменой в пятницу и увольнением, то в городке вроде Кортаки хватает мест, где можно работать на полставки и получать на доллар пятьдесят в час выше минимальной ставки.

¹⁰ Всего существует три дивизиона. Первый и второй – это крупные университеты с большим количеством студентов и немалыми стипендиальными бюджетами. Третий – маленькие, не очень популярные учебные заведения, спортивное финансирование которых невелико. Колледжи третьего дивизиона и университеты Лиги плюща как таковых атлетических стипендий от спортивных ассоциаций не предоставляют. Однако они получают финансирование из других источников. *Прим. ред.*

¹¹ SAT Reasoning Test (а также Scholastic Aptitude Test и Scholastic Assessment Test, дословно «Академический оценочный тест») – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения США. *Прим. ред.*

¹² Стипендия, охватывающая все расходы – от обучения до проживания рядом с колледжем. *Прим. пер.*

Шесть

Он видит, как разминается, вскидывая ноги, один из «Пум» Килтон-Вэлли. Парень по имени Кевин Корсон. Он раннинбек¹³. Хороший игрок. Они пересекались в паре однодневных футбольных лагерей. Ни разу не разговаривали, что логично, раз они по разные стороны мяча. Корсон уже обещался играть за Сиракузы. Кожа реально темная – такой черный оттенок, что хоть в ночи прячься, но не из бедных черных. Шесть футов, под двести фунтов¹⁴, быстрый в кроссах, с хорошим рывком. Когда бежит, припадает к земле, плечом вниз, мяч под мышкой зажат крепко и высоко. Бежит уверенно. Мама – оптометрист, папа – в банке или что-то в этом роде. При деньгах. Даже отсюда Джессап видит, что на нем новенькие «найки» и профессиональные перчатки. Бутсы идут где-то по сто тридцать долларов, перчатки – по шестьдесят. Должно быть, купил специально для этого плей-офф. Он слышал, Корсона со средней школы готовит личный тренер. И это видно: сплошь быстро сокращающиеся мускулы, никакого жира. Может, помощник тренера из Сиракузского университета здесь для того, чтобы напоследок глянуть и на Корсона. Отчасти Джессап надеется на это.

Он смотрел много записей и думает, что просчитал Корсона. По нему видно, когда он хочет повернуть налево. Джессап сможет его сдерживать, почаще блокировать, но если сыграть идеально, то получится и хоть раз сбить Корсона. Если хоть немного повезет – выбьет у него мяч. Может, Джессап не поднимется до уровня телевизионных повторов, но сегодня весь вечер будет игра на бег. Джессап сможет пару раз пробиться. Может, у кого-нибудь с линии получится сдержать Корсона, чтобы Джессап пораньше разогнался и сшиб с него шлем. Отправил на скамейку, чтобы тот задумался, правда ли ему хочется играть дальше. Такое действительно может переломить игру.

Корсон пробегает спринт, шаркает, пробуя поле. Взянет и, похоже, не рад этому. Парень поднимает взгляд, видит, как смотрит Джессап, и заметно подмигивает. Джессап не улыбается. Не отворачивается. Думает: я тебя размажу. Парни вроде Корсона *любят* играть в футбол, а Джессапу играть *необходимо*.

Он чувствует крепкий удар по наплечнику. Дерек Лемпер играет в обороне на середине поля. Он на третьем году средней школы. Тупой как пробка, но хороший парень, к тому же танк. Папы нет, но мама – консультант по продажам в салоне «Хонды». Грузовата, но все еще привлекательная. И близко не Дерек. В Дерекке под сто сорок килограммов, живот вываливается, голова как арбуз. Девушка у него – будто из аппарата с шариками жвачки. Все шутят, что Дерек раздавит ее насмерть, если заснет после секса.

– Готов, Джессап? Надерем пару задниц? – Дерек поднимает кулак, и Джессап бьет по нему.

– Надерем пару задниц, – соглашается Джессап.

Дерек ухмыляется и трясет сиськами, Джессап смеется. Поворачивается и видит, что Уайатт Данн тоже танцует. Уайатт – его лучший друг с тех пор, как Дэвид Джон начал водить семью в церковь. Познакомились они в церкви, но вместе ходили в одну начальную, среднюю и старшую школы. Уайатт как брат, хоть они больше не ходят в церковь вместе. Джессап там не был со времен ареста Дэвида Джона и Рикки, но Уайатт, хотя в восьмом, девятом и десятом классах нередко отпрашивался по воскресеньям, чтобы поохотиться или просто поваляться дома, снова начал регулярно ходить с родителями, каждую неделю, как мама

¹³ Раннинбек (*англ.* punning back) – игрок, находящийся перед розыгрышем за линией схватки, его задачей чаще всего является получение мяча из рук квотербека и «вынос» – проход с мячом как можно большего количества ярдов по направлению к зачетной зоне соперника. *Прим. ред.*

¹⁴ То есть примерно под 2 метра ростом и около 100 килограммов весом. *Прим. пер.*

Джессапа и Джюэл. Уайатт – тэкл¹⁵. Ему предлагал стипендию Коннектикутский университет. Ничего лучше он уже не ждет. За прошлый год «Хаски» выиграли всего две из двенадцати игр. У Уайатта нет завышенных ожиданий, но он думает, это всяко лучше, чем платить за колледж.

Уайатт охватывает Джессапа мясистыми ручищами и сгребает в охапку. Прижимается боком шлема к шлему Джессапа: «Видал, ты смотришь, как разогревается Корсон. Выбей всю дурь из этого сукина сына, ладно? Давай ему покажем, мужик. Покажи, где его место». Уайатт сжимает Джессапа и прибавляет: «Иисус любит тебя, и я люблю тебя, брат. Давай их сделаем».

Джессап повторяет то же самое в ответ. Ритуалы. Иисус любит тебя, и я люблю тебя, брат. Сделаем их. И Иисус убережет нас всех от зла. Одно и то же перед каждой игрой с первого года.

Прибивается еще пара игроков обороны, и он повторяет всю процедуру с ними – стук кулаками, надерем задницы, защити этот дом, останови их. Тренеры подзывают к скамейке, так что они расходятся.

За несколько минут, пока они были в раздевалке, на поле уже накопилась слякоть. На искусственной траве – дымка. Он смотрит на прожекторы. Дождь начал уступать снегу. Тот валит, описывая изгибы ветров и гравитации, чистое свечение прожекторов превращает каждую снежинку в падающую звезду. Если б не игра, он бы так и стоял целую вечность. Но он чувствует, как чужие руки шлепают по наплечникам, так что бежит трусцой к бровке – каждый шаг осторожный и пробующий, проверяющий, как цепляются бутсы. Он чувствует себя нормально. Свободно. Вчера он вернулся домой с тренировки, помог сестре с математикой, доделал свою домашку и был в постели к десяти, уснул быстро, будто пьяный. Снов не помнит. Люди бы платили хорошие деньги, чтобы так спать.

Начинать игру выпадает Килтон-Вэлли. Значит, «Медведи» начнут с мячом вторую половину. Но прямо сейчас это значит, что у Джессапа есть время до выхода на поле. Он садится на скамью, влажный металл холодит, но можно быстренько прочистить обувь. Он любит выходить на игру, когда все идеально. Неважно, что все усилия бессмысленны: резиновые гранулы из покрытия не победить. Стоит вернуться на поле, знает он, как они опять набьются в бутсы. Стоит упасть в первый раз, как они влезут и в наплечники, и в носки, и в волосы. От них никуда не деться. Резиновые гранулы попадали ему даже под корку ранки на локте. Он все равно развязывает шнурки, вытряхивает обувь и завязывает как раз вовремя, чтобы посмотреть кик-офф.

Но пропускает удар, потому что замечает в конце поля сестру и маму, пробирающихся по лестнице. А прямо с ними – отчим. Дэвид Джон вышел из тюрьмы.

¹⁵ Тэкл (*англ.* tackle) – игрок, основной задачей которого является блокирование соперников как во время выносных, так и во время пасовых комбинаций. *Прим. ред.*

Когда это случилось

Джессапу тринадцать. Восьмой класс – а все еще не вырос. Надеется, что вырастет. Не то чтобы клоп, но все-таки ближе к низкому. Мама всегда говорила, что его папа был амбалом, говорила, шесть футов минимум. Инженер-аспирант в Университете Кортаки. Так или иначе, он напился – вот что было общего у отца и матери Джессапа – и погиб в аварии еще до рождения Джессапа. Судя по рассказам мамы, у них все равно было несерьезно: они из разных миров и роман оставался не более чем романом, просто развлекались вместе, а единственное хорошее, что у них получилось, – это Джессап. Ей особо нечего рассказать об отце Джессапа, и связь с этой стороной семьи они не поддерживали.

Папа Рикки, Пит Гилберт, то приходил, то уходил, но прямо сейчас мотал срок в тюрьме штата. Не в той, где Рикки. Когда не сидел, Пит был неплохим отцом, обычно вспоминал день рождения Рикки, приходил на футбольные матчи, несмотря на провалы команды, заглядывал раз в пару недель. Делал что мог. Тощий – и Рикки весь в него. Пит и Джессап никогда много не разговаривали, но и дурного между ними не было. К Питу никаких претензий, кроме того, что он был еще пацаном, когда от него забеременела мама Джессапа. Ей – всего четырнадцать, родила Рикки под конец первого года учебы, а папа Рикки – старше на год, но из школы уже выперли. Недоотношения Пита и мамы Джессапа закончились намного раньше, чем Рикки научился ходить. Когда новым ее интересом стал Дэвид Джон, Пит уже казался просто каким-то дядькой, который иногда навещает сына. Трений между мужчинами не возникало.

Когда появился Дэвид Джон, Рикки уже исполнилось десять, но Джессапу – всего пять. Он не помнит, как было до отчима. Ничего конкретного. С тем же успехом его жизнь могла начаться, когда в дверь вошел Дэвид Джон. Рикки рассказывал, как было до Дэвида Джона, но это словно не имело никакого отношения к жизни Джессапа. Теория. Хоть Джессап и знает, что Рикки рассказывал правду (мама до сих пор каждые несколько недель ходит на собрания и называет себя алкоголичкой), верится ему с трудом. В доме алкоголя не держат, и Джессап не помнит, чтобы мама брала хоть каплю в рот. Но он знает, что это дело рук отчима.

Как послушать Рикки, Дэвид Джон – лучшее, что произошло в его жизни. Дэвид Джон неплохо зарабатывал сантехником, и при нем мама ограничилась уборкой в домах. Каждый вечер – ужин на столе. Полный холодильник. Больше не случается такого, чтобы Рикки сам жарил Джессапу сыр, потому что у мамы двойная смена, чтобы одни хлопья на ужин, чтобы в течение года еще имелись неплохие школьные завтраки и обеды, но летом и на праздники приходилось затянуть пояс. Медсестра в школе держит бесплатную столовку, и Рикки брал там еду, чтобы им с Джессапом было что поесть.

Рикки и Джессап – не из тех, кто оправдывается. Дэвид Джон – не из тех, кто слушает оправдания. Он приучил отвечать за свои поступки, но в письмах, которыми обменивались братья, Рикки на удивление великодушен к матери: «Не то чтобы дедушка или бабушка могли чем-то помочь. Кому тут будет легко. Она сама была еще девчонка».

И это правда. Родила Рикки в четырнадцать, Джессапа – в девятнадцать. Когда мама познакомилась с Дэвидом Джоном и они поженились, ей было всего двадцать пять. А ее родители? Дед еще ничего. Упрямый засранец, не из многословных. Любил торчать в гараже. Помог починить пикап (единственный случай на памяти Джессапа, когда он проводил время с дедушкой) – развалюху, которую Джессап купил за шесть сотен и вернул из мертвых. Но вот бабушка, мать его мамы. Боже ты мой. Старая сука ни дня в жизни не радовалась. Дай ей кучу денег – пожалуется, что порезалась бумагой. Синди они выставили из дома в семнадцать, когда Рикки было всего три. Дальше сама, девонька.

Так что Дэвид Джон стал спасательным кругом, и Рикки вцепился намертво.

Не Джессап. Он сам не знает почему. Ко времени, когда родилась Джюэл, Рикки всюду звал Дэвида Джона папой, но Джессап так и не привык.

«Мистер Серьезный», – так мама его называла.

«Неважно», – говорил Дэвид Джон, потому что ему это неважно. Он и к Рикки, и к Джессапу относился как к своим пацанам. У кучи друзей Джессапа отцов не было, а многие из тех, у кого были, тому не радовались. Если Джессапу и сложно вспомнить время, когда мать пила, достаточно посмотреть вокруг, чтобы сложить об этом представление. У ближайших соседей рос парень почти его возраста, всего на год старше, и у него папа алкаш, злобный и скорый на расправу. Играли они в основном у Джессапа.

Резкий поворот

Нет, Джессап не помнит время до Дэвида Джона, да и не думает об этом. Что было, то было, а потом мама познакомилась с Дэвидом Джоном и стало по-другому. И по-другому – это хорошо. Дэвид Джон не пил и семье не разрешал. Верил в тяжелый труд, дисциплину, Иисуса Христа и семью, научил Джессапа и Рикки, что значит быть мужиком. Помогали ему рубить и заготавливать дрова, чинить дом, на каникулах они ходили с ним по вызовам, раскапывали канализацию. Научились работать с лопатой, бензопилой, топором, научились говорить «Да, сэр» и «Да, мэм», застилать постели и мыть за собой посуду. Дэвид Джон всегда был терпелив, всегда готов посвятить время, чтобы научить чему-нибудь как полагается: «Если хочешь что-то сделать, тогда уж делай хорошо». Он научил Джессапа надевать наплечники, вставал с обоими пацанами спозаранку на пробежку и футбольные тренировки, но говорил, что те не выйдут на поле, если оценки низкие.

«Нельзя лениться, – говаривал он. – Мир не тот, что прежде. Сейчас, чтобы куда-то пробиться, нужен диплом, а там куча своих квот, под которые вы, парни, не попадаете. Не выйдет просто поставить галочку и поступить. Так что учитесь, если не хотите работать по колено в говне всю жизнь, как я». Говорил с ухмылкой, и, хоть Рикки настроился пойти по стопам отца, Джессапу в школе нравилось, а Дэвид Джон поощрял их обоих: «Вы умные, но сейчас весь мир против белых парней вроде вас. Мы живем в деревне в трейлере, и, когда на вас смотрят, думают: белое быдло. Учителя многого не ждут, так что вам придется им показать».

После ужина телевизор выключают, все за кухонный стол. Дэвид Джон, Рикки и Джессап трудятся над математикой, английским и всем, что принесли домой из школы. Рикки помощь требовалась, Джессапу – нет, но Дэвид Джон в любом случае сидел за столом с ними обоими. Чего не знал, узнавал, лишь бы подтянуть Рикки. Колледж не оканчивал, но это не значило, что он дурак. Мама убиралась и следила за малышкой Джюэл. Не брала в рот ничего крепче чая.

И они регулярно ходили в церковь. Это тоже было что-то новенькое. Брат Дэвида Джона – проповедник. В десяти минутах дальше от города, в сторону Бруктауна. Двести акров леса. Лагерь. Знаки «Частная территория» по всему участку. В старом отремонтированном амбаре – церковь.

Благословенная церковь Белой Америки.

Кортака и окрестности

Но сперва – Кортака и окрестности.

Остатки ледников вырезали на севере Нью-Йорка цепочку озер, и город пристроился во главе озера Кортака. Озеро – тридцать миль от начала до конца, миля поперек. Землю здесь избороздили ущелья, есть крутые стены и реки, пропиливаются ручьи. Шагу не ступишь, не наткнувшись на водопад. Где-то сто пятьдесят водопадов в округе. Один почти через улицу от старшей школы, высотой наверняка этажей под двадцать и шириной не меньше. Город гордится водопадами, но по-настоящему славится он своим университетом.

Шутят, что Университет Кортаки – запасной аэродром для Лиги плюща, когда хватает денег, чтобы проплатить Гарвард, но не хватает мозгов, чтобы там удержаться. Впрочем, для многих Университет Кортаки – первый выбор. Коэффициент зачисления – пятнадцать, ожидания – чтобы ты был среди лучших в классе. Лига плюща – это непросто. И недешево. Не все студенты в Университете Кортаки при деньгах, но иногда кажется, что да. Мамочка с папочкой вбухивают четверть миллиона на кондоминиум для своего чада, чтобы он жил с друзьями, просто потому, что это разумное вложение, а кроме того, вы видели съемное жилье в студгородке? Университет такой большой, что город на себе ощущает, когда студенты разъезжаются. Каждый август продуктовые внезапно запасаются микроволновками и мини-холодильниками, новые студенты случайно едут не в ту сторону по односторонним улицам.

Университет имеет огромное значение: самый крупный работодатель в городе, но это еще не все. В тених Кортаки – целый мир. Тридцать пять процентов округа – за чертой бедности. Раньше хорошей работы было много, но здесь та же история, что в любом городке Ржавого пояса¹⁶. Не так плохо, как в Сиракузах или некоторых городах, которые опустели и нуждаются в перестройке, но довольно плохо. Пустые фабричные здания в Ист-Хилле, загрязненная после многих лет неправильного обращения земля. Чистить слишком дорого, так что надежды на новые стройки нет. Скелеты зданий стоят голые, крыши проваливаются внутрь, окна выбиты; отличное местечко, чтобы прибухнуть и повеселиться, развести костер, свет обнажает гниль. Дедушка Джессапа пятнадцать лет проработал на сборке стиральных машин на одной из фабрик, но она закрылась, когда маме Джессапа было примерно десять. С тех пор три года здесь, два года там, нигде не зацепиться. Зарплата с каждым новым местом все ниже. Теперь он зам в автомастерской. Владелец – хороший дядька, разрешил Джессапу и дедушке занимать по выходным один бокс, чтобы доделать пикап. Покраска уже платная.

Работу еще можно найти. Есть фабрика «Каргилл» и солеварни, и если там зацепиться, то по деньгам не обидят. Серьезная работа. На мебельной фабрике за университетом занято до двухсот человек, но ходят слухи о переезде за границу. «Сделано в Америке» стоит слишком дорого. На фабрике автозапчастей у муниципального аэропорта (шесть рейсов в день, по два в Вашингтон, Детройт и Филадельфию) – больше тысячи работников, но она принадлежит муниципалитету, так что большинство считает дни, когда и она схлопнется. На «Механической передаче» Эркмана, где делают подшипники и муфты, устроено почти столько же народу. Владелец местный, но работа тяжелая, а платят ненамного лучше, чем где угодно. Начиная с минималки плюс два доллара.

Даже в упадке город красиво выглядит на фотографиях, так что приезжающие родители довольны, что прислали сюда своих деток. Без студентов население метрополии Кортаки по-

¹⁶ Ржавый пояс (*англ.* Rust Belt), известный также как Индустриальный или Фабричный пояс, – часть Среднего Запада и Восточного побережья США, где с начала промышленной революции и до 1970-х годов были сосредоточены сталелитейное производство и другие отрасли американской тяжелой промышленности. Сам термин «Ржавый пояс» отражает кризис региона, в особенности сталелитейной промышленности, в результате которого, начиная с 1970-х годов, сотни тысяч людей потеряли работу. *Прим. ред.*

прежнему составляет где-то пятьдесят тысяч человек. Достаточно, чтобы вдоль главной дороги через весь город стояли «Таргет», «Уолмарт» и целая череда сетевиков. Но если вам не по вкусу сетевые магазины, у подножия холма, под университетом, есть торговая пешеходная зона, для машин закрыты два квартала. Там полно единственных в своем роде местечек: местные рестораны, лавочки с одеждой из овечьей шкуры, антиквариатом, туристическим снаряжением. Бутики. Там живописно. Надо постараться, чтобы забрести в бедные районы города. Еще проще не обращать внимания на то, что происходит вокруг, если выбраться подальше, в предместья. Если оставаться на окружных трассах, увидишь трейлеры и облезлые дома, но масштаб осознаешь, только если съедешь на проселки. Большинство деревенских живут на отшибе. Люди вроде Джессапа практически невидимы.

Но он не против. Не любит попадаться на глаза. Любит оставаться за пределами Кортаки. Трейлер у них не ахти, но с конца их участка можно срезать через деревья, пока не выйдешь на оленью тропу, а оттуда рукой подать до общественной земли. Сорок минут пешей прогулки – и Джессап на водных угодьях, отличное место для утиной охоты. Трейлер у них в стороне от дороги, хотя движение не то чтобы активное. По Миддлэйк-роуд не срежешь. Зимой ее расчищают одной из последних. У мамы – проржавевший «Форд-Фокус», на котором она ездит в хорошую погоду, потому что расход ниже, но в снег она берет рабочий фургон Дэвида Джона с четырехколесным приводом. Джессап нормально управляет на пикапе. Сперва были проблемы, потому что из-за веса двигателя впереди и пустого кузова позади машину постоянно вело, но Дэвид Джон посоветовал в письме положить поперек кузова доску и бросить пару мешков с песком. Вес мешков не дает машине идти юзом по снегу, а доска держит их на месте. Из-за перемены погоды завтра, перед тем как выехать, придется вернуть доску и мешки на место, чтобы пикап слушался.

Джессап знает, что Кортака – не самое плохое место. Благодаря университету и хорошим рабочим местам в прошлом (пусть их почти и не осталось) учат тут достойно. А для парня не при деньгах вроде Джессапа, который к тому же любит природу, это страна чудес. Но он готов уехать. Как только выпустится, ноги его здесь не будет.

Слишком богатая тут история.

Драка

Это не его история. У него не та же фамилия, что у Рикки или отчима, но это неважно. Кортака – слишком маленький городок, чтобы люди не лезли в чужие дела.

Все попало в газеты и на телеканалы. И не только местные. Разошлось по всей стране. Джессап об этом не говорит, а друзья знают, что лучше обходить эту тему. Не то чтобы у него много друзей, не считая Уайатта. Товарищи по командам – да. Осенью – футбол, зимой – рестлинг, весной бегают дистанцию на сотку и двухсотку в команде легкой атлетики. В общем, приятели. А это не друзья. Плюс теперь Диан. Но она никогда не спрашивала, что случилось в переулке с Дэвидом Джоном и Рикки. В эту дыру можно провалиться. Они оба это знают.

Джессап рад, что хотя бы обошлось без суда. Вот это был бы натуральный цирк.

Срочный вызов в пешеходном квартале. С субботнего вечера на воскресное утро, в районе двух часов. Рикки на тот момент девятнадцать. Только что из старшей школы и официально стажирруется у Дэвида Джона. На работе оба носят рубашки «Диккис» с короткими рукавами, с нашивкой «Сантехника ДДМ» над именами. Дэвид Джон любил говорить, что можно брать лишних десять баксов в час, если похож на настоящего профессионала, а не просто какого-то идиота в фургоне. У него самого есть татуировки, но не на виду: спина, плечи, грудь. Он четко дал Рикки понять: если тот набьет что-то в тех местах, которые видны во время работы, будет целыми днями ходить с длинными рукавами.

Но, в общем, срочный вызов, и Рикки выходит из дома своей девушки. Стейси с родителями – сами прихожане Благословенной церкви Белой Америки. И вот Рикки в джинсах и майке идет к фургону, припаркованному в переулке за пешеходным кварталом, у задней двери ресторана. У фургона на боку – «Сантехника ДДМ», телефонный номер и «Всегда приедем, всегда вовремя. Ваши местные сантехники». Сообщение от Дэвида Джона Рикки:

уже внутри. форма на переднем сиденье.

Ночь теплая. Начало сентября. До полнолуния несколько дней, так что, даже если бы в переулке было темно и из открытой двери фургона со стороны пассажирского сиденья не проливался свет, все равно можно было бы увидеть, как Рикки снимает майку. Он голый по пояс, держит рабочую рубашку, чтобы надеть, когда мимо проходят парни.

Двое. Оба – студенты Университета Кортаки, срезают путь через переулок по дороге домой из бара. Черные. Один из Атланты, второй из Буффало, оба на последнем курсе, обоим по двадцать одному. Джермейн Холмс и Блейк Лайвсон. Оба прихватили с собой по пиву. Бутылки «Йинглинга», по акции в «Топ Флор Баре».

Прямо на спине Рикки – надпись «Благословенная церковь Белой Америки» вокруг горящего креста, размером с лист А4, татуировка на шестьсот баксов. На правом плече – «восемьдесят восемь»¹⁷, а на левом – «чистая кровь». Холмс и Лайвсон не могли это не заметить.

Иногда Джессап задается вопросом, что бы случилось, если бы это он стоял в переулке, а не Рикки. В свои семнадцать Джессап – шесть футов два дюйма, двести сорок фунтов¹⁸. Рельефные мышцы. По лицу возраст видно, но тело – взрослого мужчины, и достаточно просто взглянуть на его походку, чтобы понять, что Джессап просто создан для некоторых видов насилия. Но два разных отца – это два разных парня, два разных тела. Рикки считал себя поджарым, хоть и играл в футбол, но выглядел щуплым, как папа. Он сильный, на работе никогда не отставал от Дэвида Джона, но на момент ареста был пять футов восемь дюймов, около шестиде-

¹⁷ Татуировка «88» тесно связана с неонацистской организацией. В этих двух цифрах закодировано фашистское приветствие *Heil Hitler* («Хайль Гитлер»). Восьмерки в данном случае означают восьмую букву латинского алфавита – H, именно с этой буквы начинаются оба слова. *Прим. ред.*

¹⁸ То есть 188 сантиметров, 110 килограммов. *Прим. пер.*

сяти фунтов¹⁹. Не внушительный. Холмс и Лайвсон и сами не были здоровяками и наверняка шли бы себе дальше, если бы увидели кого-то габаритов Джессапа. Но там был не Джессап. Там был Рикки.

Черные наехали. Рикки сказал, что ему проблемы не нужны, он здесь по работе, но в ход уже пошли слова. Оскорбления. Лайвсон, который был покрупнее, ударил Рикки бутылкой «Йинглинга» – на фотографиях из участка видны темный синяк под глазом Рикки и порез на щеке, мог остаться без глаза. И, согласно показаниям Рикки, у второго, Холмса, который из Атланты, был нож. Рикки лезет в открытую пассажирскую дверь, хватает с пола разводной ключ.

Самооборона, сказал Рикки.

Восемнадцать дюймов длины и пять с половиной фунтов²⁰ стали. Замахивается ключом со всей силы. Сносит челюсть Лайвсону. Парня разворачивает и швыряет на асфальт. К этому времени на крики в переулок вышел Дэвид Джон. Он хватается за шкурку второго черного, Холмса, у которого, по словам Рикки, был нож, когда Рикки замахивается ключом второй раз. Попадает напрямиком в висок Холмсу. Проламывает голову. Тот умер раньше, чем коснулся земли.

На задней двери бара – камера, но качество низкое и видно не все. Запись дерганая, семь с половиной кадров в секунду, зернистая. На пленке вся драка. Лайвсон подергивается тридцать-сорок секунд перед тем, как замереть, но непонятно, умер он уже или нет. От Холмса в кадре только ноги до колен, и ноги вообще не двигаются. Звука нет, но видно, как Рикки садится и прислоняется к переднему колесу фургона. Роняет ключ и наклоняется вперед, упирается лицом в руки. Все еще без рубашки. Дэвид Джон целую минуту стоит перед Рикки, спиной к камере. Потом оборачивается и оглядывается. Через несколько секунд становится понятно, что он замечает камеру. Смотрит на нее и тогда залезает в фургон и обратно (не видно, что он сделал, не доказать, что взял нож и вытер отпечатки), проходит мимо тела Холмса. Картинка двигается рывками, в кадр падает тень, потом Холмса переворачивают – в кадре все еще только ноги, носки кроссовок теперь глядят вверх, так что он на спине. Еще минута, потом Дэвид Джон возвращается в кадр. Что-то говорит Рикки и достает из кармана телефон. Звонит в полицию и садится рядом с Рикки.

¹⁹ То есть 170 сантиметров, 70 килограммов. *Прим. пер.*

²⁰ То есть 45 сантиметров, 2,5 килограмма. *Прим. пер.*

Последствия

На записи видно, что Лайвсон ударил Рикки первым, но никак не узнать, был у Холмса нож или нет до того, как его перевернул Дэвид Джон. К тому времени, когда прибыли полиция и скорая, нож находился у него в руке, это да, но только с одним набором отпечатков – будто кто-то сжал пальцы Холмса на рукоятке. Карманный нож – дешевый складной, такие продаются в магазине хозяйственных товаров по двадцать баксов. Эта модель – из «Хоум Депо». То, что мог бы носить с собой подрядчик (или сантехник), но невозможно определить, кто его купил. Звуча не, потому не доказать, что черные говорили Рикки и что Рикки мог сказать в ответ.

Дело мутное, для прокурора в любом случае проигрышное. У Дэвида Джона чистая история – никогда не сидел, но его брат Эрл все же проповедник и лицо Благословенной церкви Белой Америки, а у Дэвида Джона хватает своих татуировок. Связи. Будь погибшие белыми, сошлись бы на самообороне, пожурили для видимости и закрыли дело, но с двумя мертвыми черными парнями, вдобавок оба – студенты Университета Кортаки? Папа Холмса – шеф полиции в пригороде Атланты, мама – воспитательница в детском саду, родители Лайвсона – оба юристы и при деньгах. Все попадает в национальные газеты, «Си-эн-эн», «Фокс Ньюс» и «Эм-эс-эн-би-си»²¹ шлют новостные фургоны, маме Джессапа приходится прогонять с участка как минимум одного репортера. Протесты у церкви (это Джессап узнает от мамы и Уайатта, потому что сам ходить отказывается) – с плакатами, скандированием и забрасыванием яйцами автомобилей прихожан. Все это крутят в новостях несколько недель.

Случай значимый, но неочевидный: при записи и притом что Рикки и Дэвид Джон настаивают на своей версии, слишком велика вероятность того, что все пойдет под откос, если довести дело до суда. Жертвы пили, Рикки заявляет о самообороне, запись показывает, что его ударили первым. Будь парни с пустыми руками, это сочли бы превышением самообороны, но учитывая пивные бутылки, учитывая нож, найденный в руках одного из черных ребят? Такое дело может сломать политическую карьеру, если пойдет не так. Прокурор выбирает сделку.

Мама Джессапа хочет, чтобы они судились, но назначенный судом адвокат (лучше они себе позволить не могут, хотя в церкви и ходили разговоры о сборе средств) объясняет, что ее сын и муж не найдут сочувствия у присяжных. Не здесь. Мэр, бывший выпускник Университета Кортаки, которому еще нет тридцати, возмущен. Он называет это преступлением на почве ненависти, преступлением против общества. Просит Министерство юстиции начать расследование в области нарушения гражданских прав. Мэр искренен, но подключаются и другие политики, играющие на публику. Это лакмусовая бумажка.

²¹ MSNBC (*англ.* Microsoft National Broadcasting Company) – Национальная вещательная компания «Майкрософт». *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.